

УДК 316.728:94(470) «1941/1945»
Т-138

Тажидинова Ирина Геннадьевна

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета
тел.: (861)267-27-87

**Ценность вещей и повседневные практики взаимодействия с ними
в условиях военного времени [32]**

Аннотация:

На основе различных источников рассматривается вопрос об особенностях восприятия вещей в годы войны. В статье охарактеризован режим отношения к вещам в изучаемый период. Акцентированы перемены, которые привнес в данную сферу экстремальный опыт войны, проанализированы такие явления военных лет, как «трофейная лихорадка», приобщение к материально-вещной среде за границами СССР. Сделан вывод о динамике ценности вещей в контексте индивидуальной биографии.

Ключевые слова: материально-вещная среда, повседневность, ценность вещей, фронтовой быт.

Материально-вещная среда в различных аспектах ее существования (пространственном, временном, структурном) выступает как объект исследования многих научных дисциплин. В настоящее время социальные науки проявляют особое внимание к физическим вещам в русле так называемого «прагматического поворота», предполагающего углубленное изучение практик повседневной жизни [1, с. 34]. Что касается интереса к материально-вещной среде со стороны профессионального сообщества историков, то он связан с выходом категории «повседневность» на один из первых планов в мировой историографии, переносом акцента с проблем публичной истории на историю приватную, прежде «малозаметную» [2, с. 5].

Среди существующих подходов к изучению материально-вещной среды выделяется социально-психологический, рассматривающий взаимодействие человека с вещной средой в плане специфических черт его поведения по поводу вещей. Включенные в повседневную жизнь человека, бытовые вещи (одежда, мебель, утварь и пр.) являются частью ежедневных рутинных действий, называемых практиками. При этом понятие «ценность вещей» включает в себя многие аспекты «неравнодушного» отношения к ним в повседневной жизни (желание хранить и накапливать вещи, заботиться о них, склонность испытывать дискомфорт при необходимости расстаться с вещами). Ценность вещи для человека определяется как особенностями самой вещи, так и социально-демографическими, социально-психологическими характеристиками индивида, находящегося во взаимодействии с ней. Однако каноны потребления, определенные режимы отношения к вещам на уровне общества в целом задаются структурными условиями [3].

Советское время предстает как период относительного стилевого однообразия и дефицита вещей. Поскольку вещи доставались с трудом, то практиковалось бережное к ним отношение, хранение, ремонт, их «непрекращающееся потребление». Вещи являлись условием идентичности, фундаментом привычного поведения. Как отмечает В.Б. Голофаст, такой режим отношения к вещам характерен для традиционного и раннеиндустриального общества [4, с. 58].

Развернутое представление о «мире вещей» в советской культуре (семантике советских вещей, их социальной жизни) можно получить из работ О. Гуровой и О. Ечевской. В контексте нашей темы важно, что исследователи подразумевают общность тенденций отношения к потреблению на протяжении всего периода с середины

1930-х до начала 1950-х гг. Подчеркивается, что в культуре формировался позитивно окрашенный дискурс вещей как предметов потребления, доступных советскому человеку, происходила реабилитация «мещанских» ценностей – уюта, комфорта, красоты [5]. Однако возникает вопрос о тех изменениях, которые происходили в данной сфере под влиянием экстремального опыта Великой Отечественной войны. Долговременность этого опыта, огромные материальные издержки, дискомфортность переживаний, ставшая неотъемлемой частью повседневной жизни участников военных действий и страдающего от лишений войны мирного населения, – все это несло последствия для восприятия советскими людьми материальной составляющей жизни. Рассмотрению этих вопросов посвящено настоящее исследование.

Категория «материалистичность» обычно используется для характеристики ценности вещей на уровне индивида. Как представляется, сбор теплых вещей для фронта стал своего рода проверкой на материалистичность. Развернувшись в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1941 г. «О сборе теплых вещей и белья для Красной Армии среди населения», он с самого начала пропагандировался как инициатива «снизу» [6, 210]. Документы свидетельствуют о реальной поддержке населением и масштабности данной акции, возобновлявшейся из года в год. Имеются в виду, прежде всего, количественные данные, сохранившиеся в архивных фондах обкомов, крайкомов, горкомов партии (протоколы заседаний комиссий по сбору теплых вещей, акты приема вещей и пр.). Достаточно для примера привести некоторые цифры из информации Краснодарского крайкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б), где сообщается о том, что по Краснодарскому краю на 30 сентября 1941 г. собрано: «полушубков 5 000, шинелей 1 788, меховых жилетов 401, курток ватных 16 012, шаровар ватных 7 306, валенок 9 384, обуви кожаной 1 300, свитеров 11 012, белья теплого 8 193, белья нательного 15 654, перчаток и рукавиц 10 581, носков 25 898, одеял 3 907, простыней 6 972 и других вещей». Поскольку со временем стали определяться конкретные «задания сбора теплых вещей», а материальные лишения, связанные с войной, только нарастали, то можно предположить серьезные сложности в проведении такого рода мероприятий. Например, «задание» для районов и городов Краснодарского края на июль–сентябрь 1943 г. состояло в сборе варежек в количестве 24 150 и носков в количестве 24 150, не считая других теплых вещей [7, с. 210, 214]. Официальные документы «уповали» на разъяснительную работу среди населения. Однако при расставании с носильными вещами, которые имели свою личную «историю» и были у советских граждан отнюдь не в избытке, могли возникать специфические осложнения. Очевидно, следует рассмотреть данную ситуацию сквозь призму источников личного происхождения. Один из таких источников – дневник 49-летнего сочинца Александра Захаровича Дьякова.

23 сентября 1941 г. в дневнике А.З. Дьякова, который заведовал технической библиотекой и был секретарем парторганизации узловой железнодорожной станции Сочи, впервые упомянута данная проблема: «Отправил собранные теплые вещи свыше 50 штук за 4 дня – человек 40 из 200. Жена моя права, посоветовав сдать валенки, – я думал, она будет возражать, молодец. Ясно поняла важность вопроса о сборе теплых вещей, она сказала: “Надо отдать валенки, если живы будем – будем одеты и обуты. Если погибнуть придется, все пропадет, а валенки сделают боеспособным одного бойца зимой против звериной нечисти. Если тебя возьмут на фронт, то также дадут из общего склада”». В этот же день Дьяков на совещании секретарей отмечает слабое поступление теплых вещей для фронта. Записывает в дневнике: «Надо каждого коммуниста вызвать и спросить: “Что он внес?”». Так и поступает: «Спросил несколько коммунистов: «Как они участвуют в сборе зимних вещей для фронта, какие сами внесли (что)?» Некоторые ведут себя некоммунистически. Провел совещание (беседу) с грузчиками о сборе теплых вещей – на словах все хотели дать для фронта, что найдется, обязательно что-либо. К вечеру один прораб принес “барахло”...». Беседы, как видим, особых последствий не имели. Подытоживая ситуацию на 26 сентября, Дьяков не удерживается от моральных оценок: «Пока все туго вносят... Дают мелочь – до носовых платков – шкурничества еще много среди людей. Врач дал полотенце и парусиновые туфли. Начальник станции простыню односпальную и рубашку – получает

зарплату 1 200 руб.». Следующие три дня существенных изменений не принесли: «Сводка сбора теплых вещей неутешительна. Собрано 124 вещи – 69 человек из 200» [8].

В ситуации со сбором теплых вещей в Сочи следует иметь в виду климатические особенности, а значит – отсутствие у населения запасов теплой одежды. В целом же, расставанию советских людей с вещами мешали как скудость материальных ресурсов, так и специфика традиционного отношения к вещам. Тем не менее известно, что вещи для фронта изыскивались и в самых скромных жизненных обстоятельствах. Для многих, в том числе для семьи Дьяковых, дополнительным стимулом к их сдаче становился факт возможной эвакуации. Об этом свидетельствует запись в дневнике от 15 октября: «Радио сообщило – оставлен Мариуполь. ...Вечером с женой просмотрели все барахло и отобрали, что можно взять в случае эвакуации. ...Жена выделила снесты для фронта дополнительно: простыню, полотенце, рубашку, два платка». Впрочем, «расставание» с вещами постепенно превращалось в насущную необходимость. Дьяковы вынуждены были отнести «на толкучку старое пальто, пинжак и др. мелочь, для того чтобы поддержать “бюджет”». К продаже личных вещей толкало отсутствие каких-либо запасов и задержки зарплаты. «Экскурсия» семьи Дьяковых на вещевой рынок 1 февраля 1942 г. дает представление о предложении товаров и уровне цен: «Людей было до тысячи, но ни одной вещи, заслуживающей внимания порядочного человека: рваные парусиновые туфли 40 руб., сапоги старые рваные – 200 р., брюки ношенные – 150 руб., белая шаль 300 р., кожаная тужурка – 1 500 р.» [9].

В январе 1942 г., под впечатлением от Указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном налоге», Дьяков подсчитывает ежемесячные доходы семьи и выясняет, что они едва позволяют удовлетворять физиологический минимум, явно не предусматривая текущего пополнения гардероба и дома необходимыми вещами. Сохранились неутешительные расчеты, из которых следует, что в месяц «на жизнь на двоих человек» остается 216 рублей. Эту сумму Дьяков делит на 30 дней и получает 7 руб. 20 коп. в день «на питание, одежду и культуру». Резюмирует: «Да, ничего не делаешь – война! Нужны жертвы, нужна скромная жизнь. Правда для скромной жизни в Сочи необходимо на двоих не менее 12 руб., покупая на базаре, у нас же – 7 р. 20 к. – значит надо туго затянуть ремень пояса...». Именно на рубеже зимы/весны 1942 г., на фоне ухудшения снабжения Сочи продуктами, истощения всех ресурсов, в дневнике Дьякова, обычно доброжелательного к товарищам по работе, проявляются элементы социальной зависти по отношению к «умеющему жить» руководству. Рассуждения на этот счет завершаются выводом: «Ничуть их война не коснулась. Все для них доступно – продукты, одежда, театры...» [10].

Вопросы неравенства возможностей обостряются в преддверии эвакуации. «Связывание узелков» в эвакуацию растягивается на несколько месяцев и происходит рывками, в зависимости от ситуации на фронте. В условиях хронической нехватки денег вещи в какой-то степени являлись гарантией выживания при отъезде в полную неизвестность. Дьяковы увязали их в четыре узла, которые было «под силу поднять только вдвоем». Называя все собранное «барахлом личного пользования», Дьяков особенно выделяет 10 книг и головку швейной машины. Подсчет стоимости оставленных вещей составил 2 500 рублей [11].

Перемена места жительства заставляла расстаться с прежними привычками, в том числе и в отношении обстановки, вещей. Местное население нередко посмеивалось над эвакуированными, которые трудно приспосабливались к новым условиям. Запись в дневнике сочинца Дьякова от 15.12.1941 сообщала по этому поводу: «Ежедневно слушаю разговоры жены и соседок, а также на работе об анекдотических рассказах об эвакуированных – многие жили в привилегированных условиях, а теперь не переносят условия скученности в бараках, в квартирах с земляными полами, грязные станции без тротуаров, питание в основном кукурузными лепешками и т.п.». Год спустя сами Дьяковы оказались в непривычных во многих отношениях условиях Грузии (село Дигоми в 4-х км от Тбилиси), на протяжении нескольких недель переносили суровые

условия жизни в здании местной школы. В Дигоми Прасковья Дьякова «от скуки» пересмотрела чемоданы и нашла, что «много тащили тряпки зря» [12].

Возвратившись в Сочи, Дьяковы столкнулись с типичной для военного времени проблемой – в их квартиру была заселена другая семья. Особое возмущение Дьяковых вызывал тот факт, что новые жильцы спят на их кровати, пользуются их мебелью и посудой. Тем не менее, когда совместное проживание двух семей затянулось почти на три месяца, между ними сложились терпимые, даже дружеские отношения. Их разрушила пропажа нового («еще с пломбой») фотоаппарата, которым Дьякова когда-то премировали. Его жена мучительно переживала потерю предмета, который явно не относился к числу необходимых для жизни и до сих пор был невостребованным. Улики указывали на соседей, и она предприняла ряд шагов к возвращению фотоаппарата. Учитывая, что Прасковья была женщиной робкой, данный эпизод, очевидно, указывает на более сильную материалистичность (привязанность к вещам) женщин в сравнении с мужчинами, что подтверждается рядом других свидетельств.

Таким образом, дневник дает представление о материальной стороне жизни так называемых «бедных середняков», к которым причислял свою семью А.З. Дьяков. Тема достойного переживания материальных трудностей, бесспорно, находится на одном из первых планов данного документа. Возможности «выживания» семьи Дьяков напрямую связывает со способностями жены, которая «умеет вести “хозяйство” на редкость...» [13]. Как видим, в условиях тыла хозяйственность и забота о доме как традиционные мотивы женственности сохраняли свое значение. Здесь, в целом, устойчивой оставалась привязанность к бытовым вещам, крайняя озабоченность материальной стороной существования. Иначе и быть не могло, так как по-прежнему необходимо было заботиться о детях, сохранении имущества.

Фронтальная повседневность формировала свою специфику восприятия материальной стороны жизни. Ей была свойственна своя «будничная вещественность», насильственное «погружение» человека в совершенно новую среду существования, где он ходил «под градом пуль», по несколько дней не ел и не спал. Тоска по нормальным бытовым условиям прорывалась в солдатских письмах воспоминаниями из детства, мечтами о «свежей постели», напряженным припоминанием деталей обстановки своего дома.

Из аскетизма фронтового быта, но прежде всего из осознания хрупкости человеческого существования, через которое проходили участники военных действий, истекало преодоление привязанности к вещам, равнодушие многих фронтовиков к ним. Обычно они советовали родным без сожалений расставаться с вещами во имя выживания, настаивали на продаже своих личных вещей. Генерал П.Л. Печерица предлагал жене: «Реализуй все мое имущество до последнего костюма» [14]. Гвардии старшина В.В. Сырцылин также советовал жене продать всю его одежду, вплоть до носовых платков [15]. Симптоматично, что фронтовики часто высказывались о вещах с пренебрежением: «дрянь», «тряпки», «барахло». Мелочность быта произвольно отторгалась теми, кто ежедневно переживал смертельную опасность.

С успехами Красной Армии и ее продвижением на Запад тревоги по поводу имущества одолевали немцев. Теперь уже они, покидая свои дома, вынуждены были расставаться с ценными и дорогими вещами. В феврале 1945 г. военнослужащая М.П. Анненкова делилась с подругой слухами: «Рассказывают, которые уже воевали, немцы все оставляют» [16, с. 38]. П.И. Ключников в письме другу описывал картину бегства населения в подробностях: «Нахожусь я сейчас на германской территории. Что представляет из себя она? Дороги буквально засыпаны разным домашним скарбом. Здесь и перины, и кастрюли всевозможных размеров, и ручные тележки, и велосипеды полуманья и исправные – все это следы поспешного бегства помощников “завоевателей мира”» [17].

Можно представить, как реагировали на эту ситуацию советские солдаты, на протяжении нескольких лет получавшие информацию о материальных тяготах своих семей. Фронтальные письма свидетельствуют, что для многих из них осознание невозможности помогать своим близким становилось настоящим потрясением, психологиче-

ской травмой. Избавиться от чувства вины не удавалось, в том числе, и потому, что, в отличие от тыловой повседневности, фронтовой быт давал человеку ощущение относительной свободы от материального. Как писал Сырцылин: «Мне легче: ведь я обут, одет и каждый день сыт». С продвижением за границы СССР родные места еще более отдалялись, возможности поддержки родственников, и без того скудные, казались, сокращались. Летом 1944 г., уже покинув пределы Родины, Сырцылин в письме жене задавался вопросом: «...что я могу сделать, так далеко забравшись на чужую землю» [18].

Однако атмосфера окончания войны и волна «трофейной лихорадки» вернули многим фронтовикам интерес к вещам, открыли до сих пор невозможные перспективы материальной помощи своим семьям. Письма и воспоминания фронтовиков представляют противоречивые сведения об их отношении к материальным ценностям на вражеской территории, поведении по поводу «трофеев». Сырцылин так объяснял жене происхождение вещей, которые переслал ей в нескольких посылках: «Все это приобретено совершенно честным путем и не воображай, что в Германии разбой и грабеж идет. Полный порядок. При наступлении конфисковывали брошенное “тузами” берлинскими и распределяли по-товарищески, кому что нравится...» [19]. Законность права на трофеи обосновывалась теми бедствиями, которые претерпели русские люди. «Это бы нашим разутым и раздетым», – писала Г.А. Ярцева о «чудесных» вещах подруге [20, с. 38]. Есть и более откровенные высказывания: «Решили всю Германию обезоружить и выбрать из нее все возможное. Пусть и они, проклятые, почувствуют тяжесть разоренных» [21].

Воспоминания офицера-пехотинца А.З. Лебединцева свидетельствуют, что боевые действия на немецкой земле сочетались с грабежами. Разумеется, у рядовых военнослужащих и мелких чинов не было возможности «прихватить ни антикварную мебель, ни картины и ковры, ни даже кухонные печки, которые везли на машинах генералы» [22, с. 231–232]. Для них речь шла, преимущественно, о тех вещах, которые можно было разместить в посылках.

Показателен «посылочный» опыт Сырцылина, который собрал первую посылку домой в феврале 1945 г. в связи с 4-хлетьем дочери. Наполнил ее разными мелочами (зеркальце, гребешок, шоколад и пр.). Еще недавно равнодушный к теме вещей, постепенно вдохновился новыми возможностями помощи семье. Обнадеживал жену: «Высланные мною деньги – капля против того, что получишь натурой». За период с февраля по май 1945 г. отослал около 5–6 посылок, причем первая из них достигла Краснодара лишь на исходе весны. Посылки состояли преимущественно из отрезков тканей, кусочков кожи, ниток, одежды. Часть вещей направлялась для удовлетворения индивидуальных нужд членов семьи, другая часть (более низкого качества, неподходящего размера) – для обмена на продукты. Сбор посылок требовал навыков традиционно женской работы, терпения. Сырцылин жаловался: «Сегодня полдня намучился с отправкой посылочки. Все пальцы исколол иглой, пока зашил, измучился пока уложил все по порядку» [23]. Впрочем, за период войны шитье, штопка и другие виды ремонта одежды достаточно прочно вошли в обиход бойцов.

Есть свидетельства, что суeta с посылками, происходившая параллельно с продолжением военных действий, гибелью боевых товарищей, морально угнетала, создавала мучительные этические дилеммы. В этом смысле заслуживает внимания письмо танкиста Федора Алексанкина матери, в котором он с болью пишет о гибели командира. Продолжает так: «И вот мы отдыхаем, но на сердце тяжело... А тут еще эта “посылочная лихорадка”, конечно, я сам не прочь бы выслать Вам и готовлю ее, но как-то кажется мне нехорошо, то есть дрались, проливали кровь, теряли своих лучших боевых товарищей и друзей и вдруг, здесь на земле врага, почти у цели, некоторые теряют от посылок головы, стараясь достать их... Неужели мы дрались за это... Нет, мне кажется, нет» [24].

Пребывание советских военнослужащих за границей сопровождалось приобщением к новой, непривычной для них материально-вещной среде. Факт нахождения «за границей» осваивался сознанием и вписывался в биографию постепенно. В.В. Сырцы-

лин писал из Польши: «Я никогда и во сне не видал тех мест, откуда пишу» [25]. У советских военнослужащих случались «открытия», подобные тому, каким делился с женой генерал П.Л. Печерица: «Венгрия и Румыния значительно богаче, чем мы знаем по учебникам» [26]. Под влиянием идеологических или собственных психологических установок «чужое» (в том числе из сферы бытовых вещей) довольно часто маркировалось бойцами как чужеродное, невозможное для использования в своей практике. Именно в таком неприятном свете возникает в письме кубанца Ф.Ф. Кривцова образ немецких открытых туфель на деревянной подошве [27]. А.З. Лебединцев также описывает эпизод, когда радистка и повариха отказались от «чужого добра» (платьев, белья, обуви), случайно обнаруженного в румынском селе [28, с. 200].

В то же время существование «на всем трофейном» несло новые представления о качестве вещей и жизни в целом. Сырцылин писал из Германии, что живет «как барон». Отсылая домой отрезки тканей, извинялся за них перед женой: «Качество не совсем высокое (так расцениваем здесь мы, ибо видим лучшее)». Его последняя (от 7 мая 1945 г.) посылка домой была изысканнее предыдущих: шелковое платье, комбинации, фетровая шляпа, даже «какая-то шкурка». Более свободные представления о материальных притязаниях выдает следующая шутка: «Я купил бы тебе легковую машину комфортабельную (это можно сейчас), но ведь она в посылку не влезет...» [29].

Приближение мирной жизни отражалось ярче всего в одежде женщин-военнослужащих, вынужденных на протяжении войны терпеть крайние неудобства в этой сфере. Последние описаны в воспоминаниях А.З. Лебединцева, который выделяет как исключение «одежания» очень небольшого числа женщин «только в штабах, в 1941 и в 1945 годах в летнюю пору». «Но если спуститься до полковых и батальонных штабов, медицинских рот и рот связи, да еще в зимне-весеннее время, да на дорогах, разбитых гусеницами целой танковой армии, то вид наших женщин без содрогания не вспомнить даже теперь, 57 лет спустя после Победы», – отмечает он. По воспоминаниям Лебединцева, визуально определить местонахождение талии или бюста в тех условиях, когда женщины были одеты по-зимнему, то есть в солдатские кальсоны, бязевые нижние мужские рубахи, ватные брюки, телогрейки, было практически невозможно. За своеобразие нарядов связистки и медички даже получили прозвище полковых «толстухек» [30, с. 507]. Хотя и в обстоятельствах фронта женщины пытались быть привлекательными, однако в большинстве случаев нормальные «наряды» откладывались «до Победы». Как замечала В.Н. Моргунова в письме к матери: «Не в тряпках счастье, они будут, если останемся живы» [31, с. 39]. Что касается переделки военного обмундирования в «мирные» женские наряды, происходившей на исходе войны и в первое время после нее, то она имела поистине символический смысл.

Таким образом, в ходе Великой Отечественной войны, при общем оскудении материальных ресурсов, ценность вещей многократно возросла. Как и прежде, вещи несли эмоциональную нагрузку, выступали индикатором отношений между людьми, создавали уют. Сохранялось экономное и бережливое отношение к ним. В то же время наблюдались явления, которые выступали за рамки данной модели. Так, очевидно, что фронтовая среда способствовала аскетизму, преодолению привязанности к вещам. С окончанием войны закономерно происходили процессы «возвращения» заинтересованности в вещах, которые стимулировались приобретением трофеев, знакомством с особенностями быта в зарубежных странах. Учитывая экономические, идеологические и иные факторы, определявшие общие тенденции в отношении к вещам в период Великой Отечественной войны, имеет смысл говорить о динамике ценности вещей в контексте индивидуальной биографии.

Ссылки:

1. Хархордин О.В. *Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено* // *Социологические исследования*. 2007. № 1..
2. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. *С высоты птичьего полета, или Что привлекает современного исследователя в повседневном мире советского человека 1920–1940-х гг.* // *Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: сборник научных статей*. Ростов-на-Дону, 2009.

3. Ечевская О. Ценность вещей в советской и постсоветской России. URL: http://www.iriss.ru/display_epublication?id
4. Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1/2.
5. Гурова О. Бытовые вещи в советской России, 1970-е годы. URL: http://www.iriss.ru/attach_download?object-id ; Ечевская О. Ценность вещей в советской и постсоветской России. URL: http://www.iriss.ru/display_epublication?id
6. Кубань – фронту. 1941–1945: документальный альбом. Краснодар, 2008.
7. Там же.
8. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 451. Л. 15об., 16, 16об., 17.
9. Там же. Л. 19 об., 21, 50.
10. Там же. Л. 44, 54.
11. Там же. Л. 66 об., 72 об., 76, 79 об., 80.
12. Там же. Л.36 об., 81 об., 85 об.
13. Там же. Л. 129.
14. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 74. Л. 23.
15. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 1234. Л. 80.
16. Сеняевская Е.С. Женские судьбы сквозь призму военной цензуры // Военно-исторический архив. 2001. № 7(22).
17. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-2157. Оп. 8. Д. 83. Л. 1-1 об.
18. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 1234. Л. 87, 88.
19. Там же. Л. 120 об.
20. Сеняевская Е.С. Указ. соч.
21. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 1234. Л. 98 об.
22. Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Отцы-командиры. М., 2004.
23. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 1234. Л. 96 об., 105 об., 107, 108-108 об.
24. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 67. Л. 14.
25. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 1234. Л. 90-90 об.
26. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 74. Л. 69.
27. Там же. Д. 69. Л. 56.
28. Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Указ. соч.
29. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 1234. Л. 113, 108, 117, 117 об, 120 об.
30. Лебединцев А.З., Мухин Ю.И. Указ. соч.
31. Сеняевская Е.С. Указ. соч.
32. Исследование выполнено в рамках проекта «Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920–1940-х гг.» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».